

НАРОДЫ СССР

Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М., 1980. 268 с.

[Отв. ред.— Ю. В. Арутюнян, ред.— Л. М. Дробижева, В. С. Зеленчук]

Первое, что хочется отметить, говоря о новой книге коллектива этносоциологов,— это то, что она фиксирует новый этап исследования по проекту «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», осуществляемому сектором конкретных социальных исследований Ин-та этнографии АН СССР под руководством Ю. В. Арутюняна. На предыдущем этапе были намечены методологические предпосылки и общие тенденции изучения характерных для страны в целом процессов экономического, социального и культурного развития народов. Этот этап также был завершен выходом в свет коллективной монографии¹.

В последнее десятилетие объектом исследования служило многонациональное население городов и сел союзных республик страны. Применявшийся в ряде республик (в Эстонии², Узбекистане, Грузии и др.) качественно новый подход к социальным явлениям с наибольшей полнотой отражен в рецензируемой монографии, посвященной изучению современного образа жизни населения Молдавии.

Исследование носит комплексный характер, охватывая этнические особенности явлений как базисной, так и надстроечной сфер общественного развития. Так, подробнее, чем на первом этапе реализации исследовательского проекта, анализировались социально-профессиональная структура населения, явления вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, а также уровень притязаний городских и сельских жителей в сфере труда.

При изучении внепроизводственной деятельности — сферы быта, досуга и культуры — привлекался широкий круг источников, в том числе периодическая печать, отчеты отдельных учреждений культуры, творческих союзов и пр. Эти материалы существенно дополняли данные этносоциологического опроса о поведении респондентов в сфере досуга, в том числе о поведении, связанном с потреблением художественных ценностей. Использование этих источников сделало возможным сравнение реального поведения с предпочтительным, выявляемым с помощью «проективных ситуаций», предложенных в ходе опроса.

Для характеристики этнокультурных ориентаций опрошенных в книге вводится новое понятие — «синдром меры выраженности интернационального в культуре»; это, по мысли авторов, «совмещающие ориентации на национальное, инонациональное и интернациональное» (с. 8).

Как и на предыдущих стадиях всесоюзного этносоциологического исследования, опрос проводился по программе, позволяющей построить несколько шкал переменных, соответствующих континуумам следующих этнокультурных ориентаций: национальная — интернациональная, народная — профессиональная, традиционная — современная.

Не менее подробно, чем область культурного потребления, рассматривается в книге и сфера семейного быта. При сопоставлении названных сфер в ходе исследования проверялась гипотеза о снижении этнического своеобразия по шкале «трудовая деятельность — культура — семейный быт», а также гипотеза о межпоколенном снижении роли этнического элемента в культуре.

Важно отметить, что по всем названным тематическим линиям проведены исследования не только среди коренной национальности — молдаван, но и среди русских и других, меньших по численности этнических групп населения Молдавии (украинцев, гагаузов, евреев, болгар и др.) — это еще одна новая черта современного этапа этносоциологических исследований. Как городское, так и сельское население республики изучалось по аналогичным программам.

Методически ценным представляется также применение когортного анализа для изучения динамики этнокультурных ориентаций, поскольку «люди разных поколений как живые исторические памятники в своих привычках, интересах, чертах в известной мере отражают доминирующие тенденции своего времени» (с. 14).

В рецензируемой монографии отражена главная особенность современного этапа этносоциологии — это попытка последовательно применить на всех стадиях исследования (от формулировки его теоретических предпосылок до операционного уровня разработки конкретных методик) категорию «образ жизни», позволяющую объединить весь многообразный эмпирический материал в целостную концептуальную картину. Во введении к работе интересно подмечены различия подходов разных общественных дисциплин и научных направлений (в том числе социологии и этносоциологии) к изучению образа жизни. Авторы разделяют одну из широко распространенных в социологии точек зрения на содержание понятия «образ жизни», трактуемый как совокуп-

¹ См. Социальное и национальное. Опыт этносоциологического исследования. М., 1973.

² См. Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979.

ность объективных условий жизнедеятельности и самих форм жизнедеятельности³. В соответствии с таким пониманием собирались как материалы о «поселенческих и социальных условиях образа жизни», так и сведения, «характеризующие сам образ жизни (поведение) социально-этнических групп» (с. 9). Действительно, повседневное поведение может быть относительно легко зафиксировано на массовом эмпирическом материале. Исследование мотивов деятельности, взаимодействия психологической и поведенческой сторон образа жизни — методически более сложная задача; однако авторы программы нашли путь и к ее решению, получая в ходе социологического опроса данные не только о фактическом положении дел в сфере труда, культуры, быта и межличностного общения, но также и о пожеланиях, предпочтениях в этих сферах, о мере удовлетворенности респондентов и т. п.

Детальный учет объективно сложившейся специфики в народнохозяйственной, демографической и других областях (преобладание сельских жителей; более широкое распространение крупных сел, чем в среднем по стране; интенсивные миграции в города; учет исторических особенностей развития Правобережной и Левобережной Молдавии и др.) позволяет авторам дать разностороннее описание населения республики, а также подробную социально-экологическую характеристику среды.

Существенной особенностью рассматриваемого региона является самая высокая по сравнению с другими республиками СССР плотность населения (117 человек на 1 км²), а также значительное преобладание сельского населения (в 1979 г. в селах проживал 61% всех жителей Молдавии, тогда как в среднем по стране доля сельского населения составляет 38%).

Исходя из трехчленной типологии уровней урбанизации (от низкого, со значительными различиями между городским и сельским образом жизни, до высокого, снимающего эти различия и уменьшающего ориентации сельских жителей на миграцию в города⁴ современную Молдавию можно отнести к среднему уровню урбанизированности. Преобразование сельского быта, усвоение сельскими жителями ценностей городской культуры, усиление их общей подвижности — все это в сочетании с сохранением фактических культурно-бытовых различий села и города делает желательным, а в силу недостаточности трудовых ресурсов городов и возможным переезд в город для значительных групп сельских жителей. Развитие общественного сознания опережает реальный процесс миграции в города, что выражается в оценке респондентами преимуществ городского образа жизни (с. 126). Не случайно половина городского населения республики сформировалась путем механической миграции трудоспособных возрастов из сел.

Анализируя динамику социально-профессиональной структуры, авторы показывают интенсивные изменения в ней и высокую мобильность, хотя эта структура и несет на себе отпечаток исторически сложившихся систем расселения (село — город) и межэтнического разделения труда. С возникновением однотипной социально-профессиональной структуры у разных национальностей сближаются и ориентации в сфере трудовой деятельности. Правомерно, на наш взгляд, интерпретируются в книге социальные ожидания в отношении труда и многообразие мотивов удовлетворенности или неудовлетворенности трудом; при этом учитываются как содержание трудовой деятельности и ее престижность, так и зависимость от уровня сформировавшихся притязаний у разных образовательных групп. Интересно прослеживается дифференциация степени удовлетворенности трудом у представителей различных национальностей в рамках единой социально-профессиональной структуры. На первый взгляд представляется неожиданным, что в разных группах (среди малоквалифицированных рабочих и рабочих высокой квалификации, а также среди интеллигенции) оказалось относительно большее число молдаван, не вполне довольных содержанием своей работы (примерно на 18—25%), чем русских, украинцев, евреев, гагаузов (с. 54—55), и это несмотря на высокие темпы социального роста молдавского населения — в прошлом в основном аграрного. Возможно, это объясняется именно ускоренной урбанизацией и темпом социальной мобильности молдаван, что ведет к повышению требований к содержанию труда, которые в отдельных случаях могут обгонять реальные возможности технологии производства.

Различие темпов вертикальной социальной мобильности служит одним из рычагов выравнивания социально-профессиональных структур разных этнических групп, что в свою очередь является реальной основой усиления принципиального схождения в образе жизни всех советских народов (с. 69) и сближения этносов по главным культурно-бытовым и социально-психологическим характеристикам.

В разделе о психологических аспектах национальных отношений не только раскрываются условия, характерные в целом для советского образа жизни и способствующие развитию дружественных межнациональных отношений в стране, но и рассматривается влияние на этот процесс таких факторов, как изменение социальной структуры контактирующих народов, обстоятельства их культурного роста, национально-культурные ориентации в каждом регионе.

³ См., например: Прогнозирование в социологических исследованиях. Методологические проблемы/Ред. Бестужев-Лада И. В. М.: Мысль, 1978, с. 240.

⁴ Гордон Л. А. Общее в особенном: социологические очерки об Эстонии.— Социологические исследования, 1980, № 4, с. 189.— Рец. на кн.: Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979.

Важнейшим эмпирическим индикатором изменений в семейно-бытовой сфере является фактический социальный статус женщины и ее социально-психологический облик, в частности ее ценностные представления. По этим показателям от старших женщин заметно отличается молодое поколение молдавских женщин. Более высокий уровень образования способствует усилению ориентации на трудовую сферу жизни, на достижение уважения общества, отход от узкосемейных интересов (с. 88—92). Очень интересным представляется анализ внутрисемейных конфликтов, связанных со сдвигами в традиционных представлениях о мужских и женских семейных ролях (с. 95 и далее). Относительно более высокий уровень удовлетворенности семейной жизнью среди мужчин (с. 98), как нам кажется, объясняется двумя группами факторов: а) частичным сохранением бытового неравенства женщин; б) противоречием между декларируемым отказом от «двойного стандарта» поведения и фактически существующей инерцией норм, пока различных для мужчин и для женщин.

Несомненно, особую ценность представляет часть исследования, посвященная социально-психологической общности представителей различных национальностей, проживающих в Молдавии. Она проявляется в выборе ими важнейших жизненных ценностей (по ответам на вопрос: «Что необходимо, чтобы чувствовать себя счастливым?»). Межэтнические различия в ранжировании таких ценностей, как семья, интересная работа, уважение людей, материальный достаток, условия для творчества и др., оказываются крайне незначительными, но и они, на наш взгляд, в некоторой степени отражают исторически сформировавшиеся особенности «национального характера» разных народов (см. данные о распределении выборов на с. 151 рецензируемой монографии). Дифференцированный анализ выборов важнейших жизненных ориентиров разными возрастными и социальными группами позволяет определить межпоколенную динамику социальных ожиданий и их зависимость от профессиональных занятий.

Остроумно используется в монографии в качестве индикатора этнокультурных и общественно-политических интересов вопрос об уважаемых респондентом выдающихся людях прошлого и настоящего.

К числу достоинств этого раздела исследования следует отнести и наличие в нем данных об уровне религиозности (с. 155—156) населения разных поколений — эти сведения, к сожалению редко встречающиеся в публикациях этносоциологов, представляют, помимо научной, большую практическую ценность.

В монографии дан поистине исчерпывающий обзор культурной жизни республики, глубоко и полно описаны языковые процессы. Объем рецензии не позволяет коснуться всех этих аспектов исследования; отметим только, что одной из методических находок представляется анализ факторов становления двуязычия у различных групп городского населения, а также определение «индекса школьного фактора», т. е. отношение удельного веса школьного обучения второму языку к сумме всех остальных факторов развития двуязычия. К достоинствам работы следует отнести исследование развития социолингвистических параметров билингвизма (компетентности, деятельности и ориентации на второй язык) у молдаван, русских, украинцев, гагаузов и других народов Молдавии, корреляции языковых процессов с социально-психологическими чертами, с производственной активностью, со стереотипами образа жизни (гл. V, § 2).

Один из разделов монографии посвящен важнейшему вопросу о межличностных отношениях представителей разных национальностей республики. Естественно, что основной ареной межэтнических контактов являются города, поскольку их население полиэтнично. Анализ национального состава семей опрошенных, их отношение к работе в национально-смешанных коллективах, к бракам родственников с представителями других национальностей говорит о наличии прочных дружественных отношений между народами, живущими в Молдавии. Интересна подмеченная авторами особенность межличностного общения у народов, развивающихся особенно быстрыми темпами: нормы межличностных отношений, принятые у молодежи, оказывают влияние и на взгляды их родителей, т. е. людей старшего поколения (с. 206).

В заключительном разделе привлекает внимание две обобщенные модели. Одна из них — граф статистических связей и перспектив трансформации признаков «национальность» и блок признаков «труд», «культура» и «семья» (с. 246), выгодно отличающиеся от часто используемых в социологических текстах схем обобщенностью и наглядностью иллюстрируемых тенденций (ослабление связи национальности и трудовой сферы, усиление связи сфер труда и культуры, существенная значимость национально-культурных характеристик и др.).

Другая модель — условный социально-культурный портрет «разносторонне развитой личности» (с. 246) — включает пять сфер социальной активности, выделенных условно-экспертным путем в качестве критериев разносторонности развития: повышение образовательного уровня, спортивно-художественные занятия, чтение, воспитание детей, общественная работа. Удачно найден прием применения этой пятичленной описательной модели для выявления степени распространенности разносторонне активных личностей в разных социально-демографических и национальных группах.

Хочется отметить также полноту и доступность изложенного в приложении методического материала, который может быть непосредственно использован в социологических исследованиях (способы планирования и размещения выборки, оценка ее репрезентативности) или для общей ориентировки в сути некоторых математических методов и показателей (форма выдачи материала с ЭВМ, мера информации, энтропия, инфор-

мационный коэффициент связи и др.). В условиях нынешнего накопления эмпирических материалов этносоциологических исследований чрезвычайно полезно иметь возможность сравнения показателей аналогичных коэффициентов на парах признаков — такую возможность дает приведенная в приложении матрица коэффициентов связи.

Книга не свободна от некоторых недостатков. Как это нередко случается с коллективными монографиями, при общей тематической стройности отдельные разделы разнятся стилистически — от строгого академизма до журнально-публицистического стиля изложения.

Иногда стремление осветить все выявленные в комплексном исследовании стороны жизни республики (труд, культура, быт, общение, социально-политическая сфера, демографические и экологические условия и т. д.) заслоняют важнейшую и ведущую линию — изучение образа жизни, который является не просто слагаемым из процессов, происходящих в разных сферах, но результирующим комплексным феноменом.

Несмотря на эти частные недочеты книга представляется несомненной удачей творческого коллектива этносоциологов.

Изученные тенденции этнических процессов в МССР свидетельствуют о сближении важнейших сторон образа жизни разных групп. «В то же время социальная общность и единство в образе жизни отнюдь не означают нивелировки национальных особенностей. Наоборот, национальные традиции делают выражение единой социальной сущности более многообразным, соответствующим историческим формам культуры каждой нации» (с. 231).

Общие тенденции, выявленные в ходе исследования, методически удачно синтезированы в заключительном разделе с помощью построения графов взаимосвязи изученных признаков. Окончательные выводы монографии лишний раз подтверждают правомерность принятого на первом этапе этносоциологического исследования критерия оптимальности этнокультурных процессов: обогащение национальной культуры достижениями других культур при сохранении прогрессивных специфических элементов; реализация и воплощение общего — в особенном, национально-специфическом.

Думается, что новая книга ведущего этносоциологического коллектива страны явится вехой в развитии этой междисциплинарной области знания и будет с интересом встречена широким кругом специалистов, которые познакомятся не только с направлениями новых исследований, но и с передовым методическим арсеналом.

Г. В. Старовойтова